

Раушан Сартаева – Институт философии, политологии и религиоведения Комитета науки Министерства образования и науки Республики Казахстан (Алматы)

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ АСПЕКТ ПОСТИНДУСТРИАЛЬНОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ КАЗАХСТАНА

Аннотация. В статье отмечается, что в качестве действенного инструмента государственного строительства, достижения таких стратегически важных государственных целей, как национальное единство и национальная идентичность, выступает культура. В этом контексте автор утверждает, что в Казахстане есть немалые социокультурные предпосылки для постиндустриальной трансформации, как-то: сходство базовых ценностей, сходство в отдельных элементах типов рациональностей, лежащих в основах культур крупнейших этносов Казахстана, общность в рамках «советской культуры», или сходство в менталитете, сформированном в рамках общности «советский народ». Для выявления общих оснований в культурах русского и казахского этносов автор рассматривает понятие «община» в русской и казахской этносоциальной организации и показывает, что феномен «общины» в обоих случаях является основной (коллективной) формой существования, которая играла большую роль в истории обоих этносов.

Ключевые слова: культура; постиндустриальная трансформация; национальное единство; национальная идентичность; социокультурные предпосылки; базовые ценности; рациональность; политическая модернизация; социально-экономическое и этносоциальное самочувствие; этносоциальная организация; община.

Как отмечают практически все серьезные исследователи процессов общественного развития, очень важную роль в этом процессе играют социокультурные факторы, особенно в полиэтнических странах с «догоняющим» развитием, к которым можно отнести и нашу республику. Таким странам, для того, чтобы стать субъектами (а не объектами) мирового развития, чтобы «догнать» развитые страны, которые находятся уже на постиндустриальной стадии в своем развитии, нужно эффективно осуществлять модернизацию и трансформацию (в случае нашей страны, по С. Хантингтону), которые невозможны без сформированных национальной идентичности и государственного единства, т. е., наличия нации как двуединства суверенного территориального государства и гражданского общества. Об этом писал Д. Растоу, который определял национальное единство как отсутствие сомнений у большинства граждан потенциальной демократии относительно того, к какому обществу они принадлежат [1].

И хотя наша республика ввиду разных причин все еще решает проблемы национальной идентичности и, соответственно, государственного

единства, тем не менее, у нас (в Казахстане) есть немалые социокультурные предпосылки для постиндустриальной трансформации. Это, прежде всего, тождественное в культурах двух крупнейших этносов Казахстана: сходство базовых ценностей, сходство в отдельных элементах типов рациональностей, лежащих в основах культур, общность в рамках «советской культуры», сходство в менталитете, сформированном в рамках общности «советский народ». Надо сказать, что в формировании единой общности в контексте национального единства, на наш взгляд, как бы ни ерничали по этому поводу отдельные интеллектуалы, употребляя такие термины, как «совок» (и т. д.), СССР продвинулся дальше США с их концепцией «плавильного котла», замененной в настоящее время, ввиду ее провала, концепцией-суррогатом «салатной тарелки».

Д. Растоу предложил в свое время модель политической модернизации, в которой выделил три ключевые цели: 1) национальное единство; 2) стабильная власть; 3) равенство. Из этих целей наиболее приемлемыми вариантами модернизации он считал следующие: 1) сначала – стабильная власть, потом – национальное единство, затем – равенство; 2) национальное единство – стабильная власть – равенство [2]. Считается, что большинству развитых государств удалось осуществить эти два варианта модернизации. Для Казахстана, на наш взгляд, на данном этапе развития приемлем, скорее, второй вариант модернизационных преобразований, если брать во внимание такие немаловажные факторы в развитии нашей страны, как полиэтничность состава населения, социально-экономическое и этносоциальное самочувствие граждан.

О важной роли социокультурных факторов в развитии общества, всех сторон его жизни писали и говорили практически все крупнейшие политологи, историки, экономисты, философы. Так, видный американский политолог С. Хантингтон в своей известной книге «Столкновение цивилизаций и преобразование мирового порядка» писал, что факторы культурного характера превращаются в основной источник будущих конфликтов в мире и что самые серьезные, обширные и опасные конфликты будут вспыхивать между народами, принадлежащими к разным культурам [3].

Другой крупнейший американский политолог Ф. Фукуяма, автор либерального сценария «конца истории» и затухания глобальных конфликтов (что, надо отметить, входит в противоречие по этому вопросу с точкой зрения С. Хантингтона и не нашло подтверждения в сегодняшней реальности), писал в своей книге «Доверие. Социальные добродетели и создание благосостояния» (1996) о том, что «...экономика – это важнейшая область современной жизни, в рамках которой культура оказывает прямое влияние на благосостояние населения...» [4].

Один из лидеров и теоретиков социал-демократической партии Швеции, реализовавшей шведскую модель социализма, Г. Мюрдаль, считал,

что главной причиной нищеты и отсталости в так называемых странах Юга является психология населения, связанная с его культурой, традициями, ценностями [5] и что для успешного социально-экономического развития отсталым странам нужно осуществить кардинальный сдвиг в культуре населения, предполагающий реформы, в первую очередь, в системе образования и здравоохранения. Крупнейший американский политолог (в прошлом – помощник по вопросам национальной безопасности экс-госсекретаря США Г. Киссинджера) З. Бжезинский в своих последних работах пишет о том, что культурное превосходство является недооцененным аспектом американской глобальной мощи [6].

Вообще, весь комплекс глобальных проблем современности обозначают еще как «кризис культуры», «гибель культуры», «декультурация». Многие культурологи считают, что эти термины отражают современное состояние культуры в целом, характеризующееся переходом ее от локального уровня к интеграционному, в результате чего традиционные культуры разрушаются.

Научно-техническая революция приводит к резкому расширению коммуникационного поля между традиционными культурами, разрушению границ между ними и постепенному связыванию традиционных локальных культур в единое целое. Это связывание путем образования культурообразующих компонентов нового типа было обозначено академиком Д.С. Лихачевым как «диалог культур». Под этим «диалогом» понималось то, что познание собственной культуры может быть осуществлено через познание другой культуры. Но что произойдет при этом: взаимообогащение или взаимоупрощение? Для взаимообогащения, по всей видимости, важно, чтобы: во-первых, взаимодействующие культуры обладали бы приблизительно равным положением в общем коммуникационном поле; во-вторых, чтобы нетождественное в этих культурах преобладало над тождественным. Если же одна из культур будет иметь более совершенные средства коммуникации, то, естественно, она будет иметь большие возможности для распространения и навязывания собственных ценностей. При этом во многих случаях будет происходить вытеснение этноценностей менее развитых в технологическом смысле культур, их собственного культурного содержания, что, естественно, станет важным фактором разрушения традиционных культур. И это уже имеет место быть в настоящее время. А ведь каждая традиционная культура уникальна и обладает (в этом можно полностью согласиться с Н.Я. Данилевским [7]) самостоятельной ценностью, так как разрушение локальных традиционных культур связано, по выражению Н.А. Бердяева, с уничтожением индивидуального характера творчества.

Некоторые исследователи считают, что феномен «диалога культур» представляет собой социальную инновацию, порожденную глобализа-

цией перед угрозой столкновения цивилизаций [8]. В настоящее время, характеризующееся острыми конфликтными ситуациями во многих сферах жизни мирового мегасоциума, возрастает потребность в их разрешении посредством коммуникации, диалога и компромисса. Темы диалога, коммуникации, толерантности, мультикультурализма вошли в число явных средств познания и примирения как познавательных, так и реальных противоречий. Тема диалога, как считают многие исследователи, по существу, только сегодня приобрела практическую значимость. Эта тема особенно важна в таких полиэтнических странах, как наша республика.

Вообще, нужно отметить, что сегодня приоритетными стратегическими направлениями культурной политики большинства стран мира объявляются защита и поддержка национальной культуры и культурного наследия. И, что очень важно, «культура рассматривается как действенный инструмент национального строительства, как средство достижения таких значимых с точки зрения стратегических национальных интересов целей, как национальное единство и национальная идентичность» [9].

Следует отметить, что в современном мире государственные образования продолжают оставаться основными гарантами обеспечения социальных прав и социальной безопасности своих граждан. Безопасность самого государства, его место в международном разделении труда и «новом мировом порядке» во многом зависят от того, насколько внутренне консолидированы его граждане, насколько управляема и оптимизирована его политическая и социальная организация, что, кстати, также зависит от внутренней консолидации общества. В такой ситуации степень актуализации императива взаимной ответственности (особенно в условиях глобализации) становится очень высокой, а в качестве действенного инструмента государственного строительства, средства достижения национального единства и национальной идентичности (как стратегических государственных целей) выступает культура. Поэтому в полиэтнических государствах, к которым относится Казахстан, очень важен «диалог» культур, выявление, актуализация и, по возможности, институциональное закрепление тождественного в культурах этносов, чьи представители проживают в одном государственном образовании. В Казахстане речь должна идти, в контексте сказанного выше, прежде всего, о культурах двух крупнейших в нашем государстве этносов – казахов и русских.

В современном мире индивид «обладает» множеством «идентичностей», одной из важнейших среди которых является этническая идентичность – как одна из форм социальной идентичности. Понятие этноса предполагает существование гомогенных, функциональных и статичных характеристик, которые отличают данную группу от других, обладающих иными параметрами тех же характеристик. Общепринятого определения этноса не существует, но доминируют его определения как «этносоциаль-

ного организма» (Ю.В. Бромлей) или как «биосоциального организма» (Л.Н. Гумилев).

На наш взгляд, более эффективным представляется использование подхода Л.Н. Гумилева, так как не существует общепринятого определения не только этноса, но и феномена этничности. В подходе Л.Н. Гумилева в контексте особенностей современного цивилизационного развития представляется важной роль в сохранении этноса альтруистической этики, при которой интересы коллектива ставятся выше личных. По Л.Н. Гумилеву, «альтруисты» обороняют этнос как целое, «эгоисты» воспроизводят его в потомстве [10].

Этика, как известно, рассматривает отношение сущего к должному, а должное, как и сущее, в каждую эпоху меняется. Изменяются, соответственно, и поведенческие императивы, изменяются стереотипы поведения, которые и являются реальной основой этнической природы человеческого коллективного бытия. Так и в нашей стране происходят изменения поведенческих императивов, стереотипов поведения в сторону индивидуализма, что впоследствии приведет к формированию критической массы «эгоистов», а, значит, к разрушению этноса.

Для выявления общих оснований в культурах русского и казахского этносов необходимо, на наш взгляд, рассмотреть понятие «община» в русской и казахской этносоциальной организации, поскольку, на наш взгляд, основой и русской, и казахской идентичности являются, прежде всего, коллективные формы трудовой демократии (крестьянская община, артель, аул и т. д.). Интересно и достаточно подробно понятие «община» в казахской этносоциальной организации исследовал историк Ж.О. Артыкбаев в своей работе «Кочевники Евразии (в калейдоскопе веков и тысячелетий)» (2005) [11]. Он справедливо считает, что кочевое сообщество Евразии необходимо изучать как в исторической динамике, так и в своих этносоциальных параметрах. История этносоциальной организации не поддается визуальному анализу, поскольку она представляет общность, связанную узами генеалогических, экономических, территориальных, а также политических отношений. Для анализа этносоциальной организации, отмечает Ж.О. Артыкбаев, необходимо обратиться к системному подходу, позволяющему адекватно воссоздать прошлое. В таком случае конкретные события и явления, изученные в плане воспроизводства основных связей (трансляции), позволяют воссоздать модель общества. Кочевое общество держится на разнообразных видах связей, которые выражаются как во взаимоотношениях и поведении людей, так и в серии невидимых узлов интеграционного характера. Наиболее существенными из этих форм связей, если их рассматривать в широком смысле, являются этнические, стержнем которых служат родовые и субэтнические отношения, хозяйственные, нередко понимаемые как общинные, социальные,

а также политические, административные, культурные. Многие наши историки считают, что мощным началом единения в казахской этносоциальной структуре служат легенды, связанные с именем Алаша-хана. Эти легенды одновременно служат в этой этносоциальной организации и национальной идеей.

Как уже отмечалось выше, важным в изучении этносоциальной организации как у казахов, так и русских, особенно в выявлении общих оснований культур, является исследование понятия «общины». В широкий научный оборот его ввели исследователи-экономисты в начале XX в. в связи с изучением особенностей землепользования казахов. В тот период исследователи неизменно подчеркивали прямую связь, которая имела место между хозяйственной деятельностью и родом. Однако именно эту связь – как основную в определении общины и ее места в этносоциальной организации у казахов и русских – многие исследователи ставят под сомнение. Основным аргумент в этом случае звучит так: в русской этносоциальной организации община рассматривается, прежде всего, как хозяйственная единица, а в казахской – как этническая.

На наш взгляд, в контексте универсалистской стратегии исследования наиболее важным является то, что община в обеих этносоциальных организациях является основной (коллективной) формой существования, которая играла большую роль в истории обоих этносов.

Сегодня культура Казахстана представлена, прежде всего, культурами двух крупнейших этносов, проживающих в нашей республике – казахов и русских. Ни одна из этих культур не является доминирующей, так как: с одной стороны, есть попытки институционально закрепить элементы казахской культуры в политической системе, но при этом для успешности закрепления этих элементов не хватает реальной «базы», так как казахский язык на данном этапе не является стопроцентно употребляемым языком для более, чем половины населения Казахстана, с другой стороны, русский язык, имея реальную «базу» (на нем говорит более половины населения Казахстана), в то же время, не является государственным языком.

Таким образом, в настоящее время культуры двух крупнейших в нашей республике этносов образуют некое целое, существование которого обусловлено наличием или отсутствием указанных выше возможностей стопроцентного употребления (закрепления) своего языка. При этом доминантной по отношению к ним выступала т. н. советская культура, вытесняемая в данное время т. н. западной культурой.

Два крупнейших в Казахстане этноса – казахский и русский – имеют собственные, на наш взгляд, во многом схожие ценности. «...О.А. Платонов перечисляет следующие, присущие России и сложившиеся задолго до крещения Руси, цивилизационные ценности: 1) преобладание духовно-нравственных основ над материальными; 2) коллективные формы

трудовой демократии (община, артель); 3) ориентация на разумную достаточность и самоограничение (нестыжательство); 4) идеал праведного (нравственного) труда; 5) представление о Земле и о Природе как Божьим даром всем живущим, и, следовательно, отрицание частной собственности на условия существования» [12].

Если взглянуть на перечисленные выше ценности, то можно увидеть, что практически все они являются также ценностями казахского этноса. Скажем, в устном народном творчестве казахов есть много пословиц и поговорок, подчеркивающих важность коллективных форм существования. Например: «Жаяудың шаңы шықпас, жылғыздың үні шықпас» – «Не заметна пыль пешего, не слышен голос одинокого». Или вот: «Жалғыз жүріп жол тапқанша, көппен жүріп адас» – «Чем найти дорогу, бродя одиноко, лучше заблудиться». «Тозған қазды топтанған қарға жейді» – «Бродячего гуся заклюет стая ворон» [13].

В свою очередь, известный английский славянист, профессор Школы славянских и восточноевропейских исследований при Лондонском университете Джеффри Хоскинг в своей не так давно вышедшей книге «Россия и россияне: история» отмечает, что хотя «в последние 300 лет Россия – безусловно, часть Европы... какие-то базовые институты все-таки – азиатские. Те же крестьянская община и привычка к круговой поруке» [14]. А виднейший русский этнолог, историк Л. Гумилев писал, что: «Конечно, отношения русских и тюрок в XIII–XVI вв. были не безоблачные, но в эпоху феодальной раздробленности это было неизбежно. Разве меньший вред наносили междукняжеские усобицы, например, вражда Москвы с Тверью, или распри степных племен, например, ногаев и ордынских татар. Однако, это были неполадки внутри единой системы, единой культуры, единой страны. Да, если бы было иначе, разве смогли бы русские землепроходцы с ничтожными силами пройти сквозь огромную Сибирь и Дальний Восток!» [15].

Вообще, в последние годы стали издаваться книги, которые можно назвать полноценными исследованиями и в которых целенаправленно или нецеленаправленно на основе обширных архивных материалов выявляется общее в культурах и происхождении тюркоязычных народов и русского этноса. Это, скажем, труды М. Аджи [16] и А. Бушкова [17]. Первый из этих авторов находит тюркские корни в культуре и происхождении русских. А второй – находит русские корни у тюрок. В целом в таких трудах важно то, что в них выявляются объединительные моменты. Поэтому такие книги, на наш взгляд, желательно включать в соответствующие образовательные программы.

Таким образом, сходство цивилизационных ценностей двух основных культурообразующих этносов Казахстана может быть неплохим ресурсом для совместного поступательного движения, для построения совместного будущего.

Все сказанное выше позволяет сделать вывод о том, что в Казахстане нет так называемых «культурных разломов» (хотя, думаю, никто не сомневается в онтологической референции этого явления). И здесь надо отметить, что потенциал культурного диалога в Казахстане в условиях незавершенного транзитного периода в истории нашей республики зависит в значительной степени от ответственности элит (особенно политических) за вектор духовного развития, за формирование и тиражирование базисных ценностей общества, за успешность решения задач социоэкономической, политической модернизации и трансформации (демократизации, по С. Хантингтону) казахстанского общества.

Таким образом, тождественное в культурах двух крупнейших культурообразующих этносов Казахстана, определенная общность в менталитете, сложившаяся в рамках общности «советский народ», позволяет говорить о том, что у нас в стране имеются серьезные социокультурные предпосылки для осуществления большого комплекса жизненно необходимых модернизационных задач. Конечно же, на основе такой «тождественности», общности гораздо легче решаются и очень важные для решения модернизационных задач проблемы консолидации, солидарности, доверия в обществе, которые, в свою очередь, тесно связаны с проблемами справедливости, социально-экономического, этносоциального самочувствия граждан.

Упомянувшийся нами ранее известный американский политолог, профессор университета Дж. Мейсона и один из главных теоретиков так называемых «неоконов» (новых правых в США) Ф. Фукуяма пишет в своей книге «Доверие. Социальные добродетели и созидание благосостояния» (1996) о том, что в действительности экономическая деятельность опирается на исторически накопленные пласты культуры, которые образуют так называемый общественный капитал. Под этим капиталом понимается, в первую очередь, доверие членов общества друг другу, опирающееся, прежде всего, на общность ценностей, норм морали, готовность членов общества подчинять свои личные интересы общественным [18].

В качестве примеров так называемых «индивидуалистических социумов», мало приспособленных к объединению в коллективы, он приводит Россию «и некоторые другие бывшие коммунистические страны», отводя в этом вопросе США гораздо более скромную роль, добавляя, «а также отдельные районы некоторых крупных городов США» [19].

По поводу же проблем солидарности в современном обществе некоторые исследователи справедливо отмечают попытки бюрократии «административными методами заменить интересосубъективный и дискурсивный способы конституирования солидарности в обществе» [20]. Понятно, что такие попытки в итоге не дадут необходимого результата, а, наоборот, могут произвести обратный эффект – вызвать недоверие к власти. Здесь

необходимо отметить, что навязываемый постсоветским государствам (в том числе, Казахстану) такой поведенческий императив, как индивидуализм, размывая и русскую, и казахскую идентичность, серьезно препятствует процессам консолидации, солидаризации, чем, соответственно, в известной степени, не помогает решению жизненно необходимых задач постиндустриальной трансформации нашей страны.

Литература

1 *Растой Д.А.* Переходы к демократии: попытка динамической модели // *Полис* – 1996. – № 5. – С. 5–15.

2 Там же.

3 *Хантингтон С.* Столкновение цивилизаций / С. Хантингтон / Под общ. ред. К. Королева / Пер. с англ. Т. Велимеева, Ю. Новикова. – М.: Изд-во АСТ, 2003. – 603 с.

4 *Фукуяма Ф.* Доверие. Социальные добродетели и созидание благосостояния. – Цит. по: *Мировая экономическая мысль. Сквозь призму веков / В 5-ти томах.* – М.: Мысль, 2004. – Т. 4. *Век глобальных трансформаций.* – С. 369.

5 *Мюрдаль Г.* Азиатская драма: исследования бедности народов. – Цит. по: *Мировая экономическая мысль. Сквозь призму веков / В 5-ти томах.* – М.: Мысль, 2004. – Т. 4. *Век глобальных трансформаций.* – С. 358; *Лауреаты Нобелевской премии. Энциклопедия / Пер. с англ.* – М.: Прогресс, 1992. – Т. 2: «М-Я». – 853 с.

6 *Бжезинский З.* Выбор. Мировое господство или глобальное лидерство / Пер. с англ. – М.: *Международные отношения*, 2006. – 288 с.; *Zbigniew Brzezinski. Second Chance: Three Presidents and the Crisis of American Superpower.* – New York: Basic Books, 2007. – 234 p.

7 *Данилевский И.Я.* Россия и Европа. – М.: Книга, 1991. – 574 с.

8 *Федотова В.Г.* Единство и многообразие культур в условиях глобализации // *Вопросы философии.* – 2011. – № 9 – С. 45–53.

9 *Кузнецова З.* Как защитить национальную культуру // *Свободная мысль* – 2006. – №1/2 (1563). – С. 14–27.

10 *Гумилев Л.Н.* Этногенез и биосфера земли. – М.: АСТ; Астрель, 2006. – 512 с.

11 *Артыкбаев Ж.О.* Кочевники Евразии (в калейдоскопе веков и тысячелетий). – СПб: Мажор, 2005. – 320 с.

12 Цит. по: *Задде И.Н.* Некоторые проблемы образования и культуры в контексте глобальной эволюции цивилизаций // *Новые технологии в науке и образовании.* – Новосибирск: Изд-во НГПУ, 1998. – Т. 3. – С. 131.

13 *Адамбаев Б.* Казахское народное ораторское искусство. – Алматы: Ана тілі, 1997. – С. 31.

14 *Джеффри Хоскинг:* «Я русский националист» (интервью) // *Известия* – 2001, 1 августа. – С. 8.

15 *Гумилев Л.Н.* В поисках вымышленного царства. – СПб: Абрис, 1994. – С. 352–353.

16 *Аджи М.* Тюрки и мир: сокровенная история / Мурад Аджи. – М.: АСТ: АСТ МОСКВА, 2008. – 649 с.; *Аджи М.* Без Вечного Синего Неба. Очерки нашей истории / Мурад Аджи. – М.: Астрель: АСТ, 2010. – 576 с.

17 Бушков А. Россия, которой не было. Загадки, версии, гипотезы. – М.: ОЛМА-ПРЕСС; ОАО ПФ «Красный пролетарий», 2005. – 599 с.

18 Фукуяма Ф. Доверие. Социальные добродетели и созидание благосостояния. – Цит. по: Мировая экономическая мысль. Сквозь призму веков / В 5-ти томах. – М.: Мысль, 2004. – Т. 4. Век глобальных трансформаций. – С. 369.

19 Там же.

20 Кочетков В.В., Кочеткова Л.Н. К вопросу о генезисе постиндустриального общества // Вопросы философии. – 2010. – № 2. – С. 31.

Түйін

Сартаева Р.

Қазақстанның постиндустриалдық жаңғыруының әлеуметтік-мәдени аспектісі

Мақалада мемлекетті құру үшін және ұлттық бірлік, ұлттық бірегейлік сияқты стратегиялық маңызды мемлекеттік мақсаттарға жету үшін ықпалды құрал мәдениет болатыны аталып өтеді. Бұл контексте автор Қазақстандағы постиндустриалдық жаңғыру үшін бірқатар әлеуметтік-мәдени алғышарттар бар екендігін айтады, мәселен, мәдениет негізінде жататын базалық құндылықтардың ұқсастығы, рационалдық түрлерінің жекелеген бөліктеріндегі ұқсастық, «кенестік мәдениет» аясындағы жалпылық немесе «кенестік халық» жалпылығы аясында қалыптасқан дәлдегі ұқсастық. Орыс пен қазақ этностарының мәдениеттеріндегі ортақ негіздерді айқындау үшін автор орыс және қазақ этноәлеуметтік ұйымдарындағы «қауым» ұғымын қарастырады және «қауым» феноменінің екі жағдайда да, екі этностың тарихында үлкен рөл атқарған негізгі (ұжымдық) тіршілік формасы болып табылатынын көрсетеді.

Summary

Sartayeva R.

Sociocultural Aspect of the Postindustrial Development of Kazakhstan

The given article emphasizes that culture is an active instrument of state building, in achieving such strategic important state aims like national unity and national identity. Within this context author states that in Kazakhstan there are some sociocultural premises for postindustrial transformation as: similarity of basic values, similarity in separate elements of rationality types, which lie at the base of the cultures, common former soviet culture or similarity in mentality, formed within the community of «soviet people». For revealing of common bases in cultures of Russian and Kazakh ethnical groups, author considers the notion «community» in Russian and Kazakh ethno social organization and shows that phenomenon «community» in both cases is a basic form of existence, which plays great role in the history of nations.